

СЕЛИВАНОВ Александр Иванович – доктор философских наук; профессор кафедры национальной безопасности Российского государственного университета нефти и газа (национальный исследовательский университет) им. И.М. Губкина (119991, Россия, г. Москва, Ленинский пр-кт, 65, корп. 1; seliv21@mail.ru)

ЭТНОПОЛИТИКА РОССИИ: НЕОБХОДИМОСТЬ ДИАЛЕКТИКИ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ И СОЗИДАНИЯ БУДУЩЕГО

Аннотация. Действующая Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года базируется на подходе, сочетающем в себе два основных принципа: формирование единства российского народа и сохранение исторической традиции. Для совершенствования Стратегии в будущем необходимо дополнить ее принципом развития. Стратегический подход должен базироваться на пяти принципах – единой цивилизационной судьбы, стержневого значения русской культуры, общих усилиях представителей всех этносов по строительству единого государства, современной науке и образованию, мощной стратегии страны и ее устремленности в будущее. Только это сможет спасти Россию как государство и обеспечить дальнейшее существование всех российских этносов в условиях обостряющейся мировой конкурентной борьбы.

Ключевые слова: Россия, этносы, этнополитика, стратегия, будущее, стратегическое управление

Полтора года назад, в декабре 2018 г., указом Президента РФ принята новая Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года¹ (далее – Стратегия). Она спланирована на указанный период, и в этой связи стоит задача постепенной выработки предложений по ее корректировке с целью внесения согласованного пакета предложений по ее изменениям и поправкам к окончанию срока действующей Стратегии. В самой Стратегии также справедливо указывается на необходимость совершенствования «государственного управления в сфере государственной национальной политики Российской Федерации» (п. 21-з).

Во всяком документе стратегического планирования при подготовке новых предложений требуется кропотливая научная, практическая и проектировочная работа. В данной статье предлагается анализ тех моментов Стратегии и лежащих в ее основе концептуальных оснований, которые имеют отношение собственно к проблемам стратегического управления и обеспечения национальной безопасности, для реализации и обеспечения которых разработана и функционирует указанная Стратегия².

Начать необходимо с того, что в самой Стратегии справедливо указывается на необходимость применения «комплексного подхода к решению задач государственной национальной политики Российской Федерации с учетом ее межотраслевого характера» (п. 19-к). Это обязывает подходить к анализу и последующим разработкам именно комплексно, системно.

Органичность всякого комплекса и комплексного подхода позволяет выявить основные концептуальные основания данной Стратегии. Так, в п. 21.1 Стратегии «основными направлениями государственной национальной поли-

¹ Указ Президента РФ от 06.12.2018 N 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Доступ: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72020010/> (проверено 01.09.2020).

² Пункт 3 Стратегии прямо отсылает к федеральным законам от 28.12.2010 N 390-ФЗ «О безопасности» и от 28.06.2014 N 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» как к ее основе.

тики Российской Федерации» обозначено большое число видов планируемой деятельности. Анализ показывает абсолютное доминирование в Стратегии установок на формирование гражданской идентичности и патриотизма, сохранение межнационального мира и согласия, гармонизацию межнациональных отношений и одновременно на сохранение этнокультурного и языкового многообразия России, на обеспечение реализации национально-культурных потребностей путем поддержки и развития народного фольклора, народных промыслов и ремесел, а также на соблюдение прав коренных малочисленных народов Российской Федерации. Данный подход – формирование единства российского народа и сохранение исторической традиции – является существенно идейного комплекса действующей Стратегии. Он развивается – от приоритетов и целей до инструментов и целевых показателей реализации Стратегии. Действующие государственные программы и подпрограммы в этой сфере полностью отражают эту направленность Стратегии с некоторыми деталями.

Начать разработку предложений и дополнений хотелось бы с философской новеллы. В гармоничности мира условием оптимальности (и оптимизации) процессов является гармония времени, гармония прошлого и будущего в настоящем. В отношении культуры – это гармония прошлого и будущего культуры, т.е. гармония истории, ретроспекции, традиционализма, фольклора, языка, с одной стороны, и будущего, перспектив, стратегирования, целей, идеалов, образов будущего – с другой. Такое гармоническое сочетание является основанием одновременного уважения традиции и успешного движения культуры в будущее, основанием «связи времен». Прерывание этой связи губительно для культуры – будь то отторжение традиции и утрата корней или, напротив, отторжение будущего, как следствие – неминуемое исчезновение в будущем национальных культур вместе с их исторической традицией и языком.

В свое время советский строй предложил вариант такой гармонии – сочетание помощи малым народам в сохранении и строительстве их национальных культур, даже за счет некоторого ущемления интересов русского народа, и одновременно – строительство будущего на основе идеи коммунизма, идеологии светского, просвещенного (образованного и научного), общенародного, справедливого, равного социалистического и советского будущего. Эта единая цель объединила людей, стала организующим началом, в т.ч. для построения национальной политики. Данный подход в то время разделяло и поддержало подавляющее большинство всех народов, а русские в аспекте этнополитики с энтузиазмом взяли за помощь малым народам в их самоосуществлении и строительстве их культур с целью подтянуть их до современного просвещенного уровня, многим из них впервые дав письменность (например, башкирам, бурятам, калмыкам, якутам, нанайцам, ханты, манси, удмуртам, коми, карелам, эскимосам, корякам, ительменам и многим другим народам Урала и Сибири). Советский исторический вариант завершился созданием мощной страны с практически сформировавшейся «новой общностью – советским народом».

Постсоветская этническая политика происходит в условиях отсутствия гармонии прошлого и будущего, и даже их направленного разрушения. Первый период (1991–2000 гг.) начался с разрушения целого, с ситуации этнического хаоса, резкой активизации этнических требований, «парада суверенитетов», агрессивных и даже военных выступлений ряда этносов, антирусской и антироссийской истерии, раскола СССР. В России действия по стабилизации в этот период характеризовались подкупом части национальных элит, допу-

ском их представителей к дележу «национального пирога», включением их в число собственников и представителей власти или возвращением их на «исконные земли» с предложением больших преференций на этих территориях, как бы «простив» то, что представители этих этносов проявили себя в истории и современности с агрессивными антироссийскими позициями. В итоге это позволило на протяжении данного периода купировать недовольство наиболее активной части этнических групп, выбрать из них наиболее «сильных» и «мудрых», способных обеспечить «спокойствие» своих этнических групп на «титულных» территориях, даже закрывая глаза на возникновение резкого неравенства «титулных» и «нетитулных» наций (в число последних в национальных регионах России попали и русские, несмотря на то, что в этих регионах на тот период они составляли большинство населения). Этому способствовали (да и продолжают способствовать) акценты в финансируемых государственных национально-культурных программах, подавляющей доминантой которых остается поддержка ряда этносов с целью обеспечения дополнительных мер по нейтрализации исходящих от них потенциальных угроз, на что тратится львиная доля финансирования этих федеральных государственных программ.

Второй период (2000–2014 гг.) характеризовался определенной стабилизацией этнических процессов на почве распределения полномочий между федеральным центром и регионами, постепенным усилением федерального центра, усилением крупных российских корпораций и банков, постепенным пониманием национальными элитами сложностей бытия вне России (в т.ч. на примере выделившихся из состава СССР государств) и постепенной невозможности противостояния усилению федерального центра. В этнической политике при этом происходила реализация подхода, выработанного на первом этапе, в виде согласовываемых программ по поддержке этносов и регионов, федеральных трансферов в пользу отдельных регионов. Фактически буржуазные элиты всех этносов России на этом этапе объединились на полукриминальной-полукомпрадорской почве и стали едиными в предложении народу (народам) этнографического подхода к этнополитике, направленного на реставрацию прошлого, на сохранение фольклорной традиции культуры и народных промыслов. Поняв, что культурным элитам и лидерам этносов нужны власть и деньги, а активной национальной общественности достаточно сохранения родного языка и фольклора, федеральные и региональные либеральные элиты радостно согласились на это. В результате этого периода традиционная (как правило, сельская) часть этносов стала замыкаться в прошлом, абсолютно не находя себя в современности и будущем за пределами решения задач по самообеспечению. Стала усугубляться ситуация с гармонией времени.

В условиях третьего периода, начавшегося в 2014 г. и характеризующегося постоянным усилением санкций со стороны США и стран Евросоюза, ситуация вновь начала изменяться. С одной стороны, резко уменьшились ресурсы страны (объемы «национального пирога»), начала обостряться социальная ситуация, вновь появились риски того, что социальная и экономическая ситуация выйдет из-под контроля федерального центра, актуализовалась проблематика этнических конфликтов в России [Ботанцов 2020] и сепаратизма [Ченцов 2020], все более жестко предъявляя требования по формированию стратегии управления в этой сфере. С другой стороны, национальные и региональные элиты стали терять привычные объемы преференций от центра, а также временами сами начали терять контроль над ситуацией, снижать свой авторитет в глазах народа, а тем самым утрачивать способность

удерживать в своих регионах ситуацию в рамках стабильности. Начала складываться ситуация, когда представители национальных элит, которые держались за счет перераспределения ресурсов («подкупа»), в условиях снижения возможностей и преференций со стороны федерального центра вновь стали проявлять «самостийную» активность с целью получения дополнительных аргументов перед своим народом и теперь при определенной ситуации вновь могут попытаться более выгодно перепродаться другому «хозяину», став источником дестабилизации и раздела России, устранения или резкого ослабления власти федерального центра. Такие настроения стали достаточно распространены среди граждан, в т.ч. среди молодежи [Киселева 2019]. Поэтому теперь для российских либерально-буржуазных элит вновь остро встал вопрос о сохранении в стране «мира и порядка» (спокойствия). В этнополитическом аспекте это означает не допустить этнического взрыва «снизу» для сохранения существующего положения в экономике с консервацией ее гигантского социального неравенства (определяемого огромными состояниями небольшой многонациональной группы лиц и части примыкающих к ней элит) и одновременно с полным отсутствием стратегии развития. Для пресечения центристских попыток стали разрабатываться новые правовые решения и предприниматься организационные усилия, направленные на консолидацию нации и сохранение территориальной целостности страны. Понятно, что, несмотря на издержки, путь сохранения целостности России в целом более приемлем как для федеральных, так и для большинства региональных (этнических) элит. Стали усиливаться акценты на «гражданскую идентичность», «гражданский мир и согласие», «национальное единство», «патриотизм», «сохранение территориальной целостности» при сохранении общей фольклорной традиции понимания интересов этнических групп. Этот набор идей и стал основой Стратегии 2018 года и ряда последующих документов.

Понятно, что все это действительно нужно всей стране и всему народу, в т.ч. всем этносам России. Но действительность заключается в том, что это далеко не все, что нужно.

Главным основанием происшедших после 2015–2016 гг. изменений, говорящих о некоторой деформации радикального либерального курса, стало то, что в условиях постоянного усиления санкций представители российских буржуазных элит стали ощущать на себе то, что на уровне понимания до них пытались донести ученые умы на протяжении всего постсоветского периода: ни Россию, ни ее «элиты» западный мир никогда не воспримет как равных, даже дети и внуки «элит» навсегда останутся для Запада чужими и, вообще говоря, они никому в мире не нужны. Приходится расставаться с иллюзией, что они будут плыть в одной лодке с западным миром, что уничтожение советского строя и социализма, продажа своей страны, превращение ее в полуколонию и предательство своего народа – это достаточная цена за то, чтобы российским «элитам» была дарована «индальгенция равенства» в западном мире. Все оказалось гораздо серьезнее и сложнее. Как Россию хотел уничтожить Гитлер, так хотят уничтожить и наиболее радикальные западные элиты, имеющие самые сильные позиции в мире. Уничтожить сильную и самостоятельную Россию, полностью подчинить ее Западу, реализовать ту концепцию, которая ходит в миру как план Даллеса, – вот их единственная и неизменная цель. А на Востоке Россия вообще никого не интересует иначе, как ресурс.

Осознание этого привело к тому, что у российских буржуазных элит начал просыпаться инстинкт самосохранения, и они стали пытаться вспоминать

про сильное государство, про национальную безопасность. А поскольку базовым основанием сильного государства в России всегда был и остается русский народ, то именно поэтому в государственные документы вернулось понятие «русский народ» – начиная со Стратегии в редакции декабря 2018 г. и заканчивая Конституцией в версии 2020 г.

Однако пока некоторые представители российских элит не понимают главного – одной лишь этой констатации недостаточно. Само по себе понятие «русский народ» не является «оберегом» от внутренних и внешних проблем. Идея сильного государства во главе с русским народом работает лишь при полномасштабном развертывании этой конструкции до ее самореализации. Речь идет именно о полномасштабном восстановлении цивилизационного мира на основе заглубленной русской культурной матрицы, о возрождении на этой основе сильного суверенного и справедливого государства с эффективной государственной системой стратегического управления, проектирования и построения приемлемого для народа будущего. Лишь такой подход способен обеспечить возрождение и спасение России. В контексте этнополитической проблематики эта матрица выглядит следующим образом.

Первый принцип. У народов России в современности и на удаленную перспективу единая цивилизационная судьба. Никакой другой цивилизации мира (перечислим: американской, европейской, иудейской, арабо-мусульманской, индусской, китайской, африканским, южноамериканским и пр.) не нужны представители никаких коренных народов России – ни русских, ни татар, ни башкир, ни чувашей, ни мордвы, ни марийцев, ни чеченцев, ни ханты или манси – никаких. Не нужны ни представители интеллектуальных элит, ни представители деловых и политических элит, ни тем более представители простого народа. Мы для них – другие и чужие. Так же, как им не нужны никакие народы бывшего СССР, теперь живущие в отдельных государствах и делающие вид, что это не так, и всяческими антироссийскими делами пытающиеся умилостивить своих западных хозяев. Но и этот самообман либо тоже пройдет, либо эти этносы просто исчезнут. Только на собственной цивилизационно-культурной основе России российским народам всегда удавалось сохраниться и подняться на мировой уровень. Только так, сообща, может возродиться Россия и в будущем. И в истории представители всех народов России, базируясь на фундаменте русской культуры, особенно русского просвещения, образования, науки, вносили свой вклад в общее дело нашей страны, в созидание ее (былого) величия.

Второй принцип. Из всего мира только русский народ оказался способным обеспечить на государственном уровне сохранение и развитие малых народов и этнических культур в целой стране и сделал это максимально эффективно – в настоящее время эта позиция уже позволяет ставить на конституционном уровне вопрос о статусе малых народов, не являющихся титульными в тех или иных регионах страны [Ильин 2019]. Лишь русский народ исторически согласился на это, что можно совершенно ответственно утверждать, несмотря на разные эмоциональные упреки со стороны некоторых этносов. Русский народ и русская культура смогли создать великое государство, сохранив при этом более сотни этносов. Удел всех малых этнических групп в западном мире – исчезновение и полная культурная ассимиляция либо существование на задворках культуры (в резервациях или этнических районах типа Гарлема). Никаких этносов в их культурной самостоятельности за пределами музейных резерваций, в точности повторяющих резервации американских индейцев с их фольклорными нарядами и доисторической культурой, в западном или ази-

атском мире не предполагается¹. Все другие большие цивилизационно-культурные миры, кроме русского, антиэтничны и в этом отношении абсолютно тоталитарны: западный мир — на почве индивидуализма, дальневосточный мир — на основе монокультур каждой страны, мусульманский мир — на основе религии и собственной внутренней иерархии, во главе которой стоят арабы, ниже следуют другие, вторичные, третичные, и там тоже нет и не может быть равных им, а потому российские мусульмане всегда будут на третьих-двадцать пятых ролях. Например, татары или башкиры, казахи, туркмены или таджики не смогут быть авторитетными культурами в иерархии мусульманского мира и не останутся таковыми в западном или китайском мире. Поэтому, когда кто-то в России говорит, что русские «плохие», что надо «выйти из состава России», — это внекультурные безумцы и безусловные враги собственных народов, готовые на все, даже на уничтожение своих народов как этносов и культур, чаще всего ради личной корысти или больной идеологии. И если даже русские в чем-то когда-то какому-то малому этносу принесли какое-то «зло», то это «зло» стократ окупается тем добром, которое сделал для них русский народ, не допустив их исчезновения и сохранив их как народы и культуры, одновременно используя потенциал всех этнокультур для обогащения и усиления целого — государства Российского.

Третий принцип. Народы России могут жить и выжить в этом жестоком конкурентном мире лишь как единый российский народ. При этом население России не так велико, чтобы кто-то сражался в современной и будущей (все более жестокой) межцивилизационной конкурентной борьбе, отстаивая страну и защищая ее интересы и позиции, а кто-то отсиживался в уютных окопах собственных фольклорно-кустарных образований и личных домохозяйств, не будучи способным принимать участие в этой борьбе по причине культурной отсталости или не желая принимать участие в этой борьбе по другим соображениям. Современное образование, наука, культура как стержень будущей конкуренции и конкурентоспособности должны стать главными приоритетами всех граждан страны, это должно стать генеральной объединяющей идеей. При этом для единения народов необходимы также многие дополнительные традиционные компоненты: консолидация вокруг единой идеи социального строительства, решение вопросов социальной справедливости, гармонизация межэтнической коммуникации [Савинов 2020], патриотизм и дружба народов [Данакари 2019]. Важным компонентом является также эмиграционная политика, сбережение собственного народа, профилактика выезда за рубеж на постоянное место жительства граждан России. Однако эта позиция вообще никак не представлена в Стратегии и госпрограмме.

Четвертый принцип. Цивилизационную самобытность, культурное величие, культурный, цивилизационный и геополитический суверенитет вся совокупность народов России может обеспечить лишь на основе русской культуры, доросшей до уровня философии и современной методологии научного познания. Другие мировые метафизики, философии и религии не способны предоставить условия для обеспечения конкурентоспособности в будущем мире никаким российским народам. Попытки увидеть такие метафизики в мусульманской религии или в англосаксонской метафизике исходят лишь из абсолютного непонимания этих культур и цивилизаций, а также из непонимания собственного народа, культурно-цивилизационно радикально отличающегося

¹ Кстати, многие дети нынешних этнических элит женятся и выходят замуж за иностранцев или просто покидают эту «дикую страну», абсолютно не беспокоясь об этнических проблемах и самозабвенно стремясь ассимилироваться в иные культуры.

от этих и других цивилизаций, тогда как все российские народы ценностно-культурно сильнейшим образом сходны между собой и во многом идентичны¹. Так, сходство ценностей русских и татар (и других мусульманских народов), их практически полная идентичность (даже в вопросах об отношении научного знания и атеизма и религии [Синелина 2009]) говорит о глубоком историческом культурно-цивилизационном тождестве и невозможности их идентификации с иными (другими, альтернативными) культурными мирами и цивилизациями без их резкой культурной трансформации вплоть до культурного самоуничтожения. И поэтому можно посочувствовать неким недалеким политикам, которые меняют алфавит с кириллицы на латиницу в условиях политической конъюнктуры, понимая при этом, что это не приведет к смене указанной культурно-ценностной идентичности.

Далее. В настоящее время никакой другой народ России не имеет собственной самостоятельной философии, способной конкурировать с передовыми мировыми системами. Философское же мировоззрение и научная методология – основа современной науки и технологии. Более того, российская философская культура предложила собственную версию материализма в качестве основания науки – основания более глубокого, чем западное позитивистское и постмодернистское основание, поскольку именно материалистическое основание способно глядеть в сущность, искать и находить истину, тогда как позитивизм дает лишь поверхностное знание, к тому же всегда готовое услужливо исказить сущность и истину в угоду политической и экономической конъюнктуре, что демонстрирует сегодня вся западная наука.

Кроме того, русский язык для малых этносов – это мостик для приобщения к мировой культуре, литературе и искусству. Перевод всех и даже основных произведений мировой культуры по силам лишь большим человеческим сообществам. А в России исторически случилось так, что мировая литература в ее комплексе переведена и переводится лишь на русский язык, так же как научные знания. Альтернатива одна – иные языки мирового значения, т.е. свободное владение английским, французским или китайским и приобщение к мировой культуре через них. Татарский или башкирский языки, или даже иврит, на дан-

¹ Принципиальные различия русской и западной культур обоснованы всем корпусом русской социально-гуманитарной мысли XIX–XX вв., и это не опровергнуто постсоветской теорией и практикой. При сильнейшем сходстве ценностных миров русской и других традиционных национальных культур России это говорит о наличии таких же принципиальных различий западного ценностного мира и ценностных миров других национальных культур, хотя такие комплексные осмысления представителями разных этносов не проводились. Так же может быть доказано наличие таких же принципиальных различий между ценностями и традициями арабского мусульманского мира и российских мусульманских народов, российских и европейских финно-угорских народов, российских и зарубежных версий буддийских культур и т.д., тем более что под влиянием русского Просвещения более 3/4 представителей всех этнических групп являются атеистами.

ный момент таким потенциалом не обладают¹. Конечно, в ряде направлений культуры и в бытовом общении можно перейти на цифровые переводы, но всем понятна их ущербность, в частности, возможность передавать информацию, но невозможность передавать смыслы. Конечно, желающие перейти на более простые информационные формы передачи культурного наследия могут использовать опыт американцев, которые давно перевели на язык иллюстрированных комиксов и сокращенных текстов, наверное, все художественные произведения мира.

Более того, русский язык зарекомендовал себя как язык безусловно более богатый и многообразный, чем английский и другие европейские языки, и это общепризнанно. Соответственно, он развивает в личности более богатую духовную палитру и систему мышления, чем даже западные языки. При этом отметим, что в Стратегии действительно декларируется значимость русского народа и русского языка. Однако если в документах и программах стратегического планирования есть развитие малых этносов (ст. 11 и 19), то о развитии русского этноса и русского языка речь вообще не идет. Эта парадоксальность не ликвидируется на протяжении всего XX и начала XXI столетия, наверное, по принципу: раз русские — народ сильный, то от него нужно только «брать».

И еще один принципиальный момент. Современность вскрыла тупики западной мысли. Дальневосточный мир (Япония, Китай) и другие культуры остаются замкнутыми в комплексе собственных национальных интересов и общемировых смыслов (пока) не имеют. Лишь Россия с ее ядром в виде русской культуры до сих пор остается способной увидеть глубинные смыслы общепланетарного бытия, указать цели развития, способные спасти человечество в целом и вывести его на новый уровень развития.

Пятый принцип. Современность может быть успешной, а прошлое может быть сохранено лишь при условии наличия мощной стратегии страны, устремленной в будущее. А современная стратегия может быть конкурентоспособной лишь на основе глубокой и суверенной науки, системы образования, установок на мощную светскую культуру, на современные технологии, на эффективное и компетентное стратегическое управление. В этом залог будущего, сохранения и конкурентоспособности страны. И если это не делается, то все остальное — это фикция, имитация, «закрывание глаз», решение сиюминутных и эмоциональных проблем.

В этой связи для выстраивания будущей государственной национальной политики необходимо перейти от тактики сохранения культур и межнационального согласия, от исторической ретроспекции этнокультур под псевдопредлогом «сохранения культуры» к диалектике прошлого и будущего, к стра-

¹ Поэтому нужно всерьез задуматься над целесообразностью требований некоторых представителей малых народов «учить детей в школе на родном языке, особенно в тех деревнях, где говорят только на родном языке». Внешне очень привлекательный тезис — казалось бы, пусть учат. Но тогда необходимо заранее понимать, что через 10–15 лет, отставая в общекультурном развитии, такие дети и их родители неизбежно будут требовать (в т.ч. на улицах с плакатами в руках), чтобы их брали на работу на высококвалифицированные и высокооплачиваемые работы, но не по признаку профессиональной квалификации, а по признаку титульности нации или признаку справедливости для малых этносов. А простонародным сторонникам такой идеологии нелишне напомнить, что элиты и их идеологи сами учат своих детей и внуков в элитных школах, где, конечно, есть и родной язык, но также есть русский, английский, французский, немецкий. А кроме того, и это принципиально важно, они живут в русскоязычной среде, с детства свободно владеют русским и родным языком. Тем самым они обладают огромным конкурентным культурным преимуществом перед деревенской молодежью при поступлении во все вузы страны, за редким исключением особо одаренных деревенских детей.

тегированию, к проектированию и строительству будущего для сохранения исторических традиций. В противном случае и страна, и все ее этносы будут самоуничтожаться.

Наконец, в завершение целесообразно вернуться к реализации задачи комплексности решения проблемы и ее межотраслевого характера. Действительно, все взаимосвязано, комплексно, и в этом тезисе нужно категорически согласиться с авторами Стратегии. Однако необходимо научно точнее и корректнее развернуть комплексный подход. Для этого необходимо вспомнить, что органическими компонентами комплекса этнокультурной политики в реальности являются и, соответственно, должны являться подпрограммы государственных программ по этнополитике — такие как этносы в стратегии пространственного развития страны, в распределении производства и трудовых ресурсов, в стратегии профессиональной подготовки кадров для различных регионов и в разных направлениях развития профессионального образования (образовательные и кадровые компоненты этнической политики), экономические аспекты этнической политики для обозначения профессиональных перспектив для граждан, молодежные компоненты этнической политики, ее демографические компоненты, компоненты стратегии развития здравоохранения, жилищного строительства, развития инфраструктур и т.д. У этносов должно быть целостное представление о собственных перспективах, о перспективах региона, о перспективах страны, а не только о перспективах развития фольклора и кустарных промыслов. Должен быть перспективный «образ будущего» страны, который избавит от многих заблуждений и предостережет от многих ошибок.

Статья подготовлена в рамках работы Школы молодого этнополитолога в Республике Башкортостан (Фонд президентских грантов № 19-2-022447).

Список литературы

Ботанцов И.В. 2020. *Этнополитика в России: историко-правовой анализ*: монография. СПб: Астерион. 162 с.

Данакари Р.А. 2019. Патриотизм и дружба народов как базисные детерминанты российской цивилизации. — *Вестник Волгоградского государственного университета*. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 24. № 5. С. 193-204.

Ильин И.М. 2019. Конституционные основы экономического, социального и культурного развития национальных меньшинств Российской Федерации. — *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*. Т. 1. № 3. С. 49-58.

Киселева А. 2019. Этническая идентичность молодежи из числа коренных народов России как угроза целостности государства. — *Векторы благополучия: экономика и социум*. № 2(33). С. 16-26.

Савинов Л.В. 2020. Национальная политика в современной России: концептуальная модель и ее реализация. — *Вестник российской нации*. № 2(72). С. 9-17.

Синелина Ю.Ю. 2009. Православные и мусульмане: сравнительный анализ религиозного поведения и ценностных ориентаций. — *Социс. Социологические исследования*. № 4. С. 89-95.

Ченцов С.Д. 2020. Право на национальное самоопределение: государственная политика. — *Научный альманах*. № 5-1(67). С. 206-208.

SELIVANOV Aleksandr Ivanovich, Dr.Sci. (Philos.), Professor of the Chair of National Security, Gubkin Russian State University of Oil and Gas (bld. 1, 65 Leninskiy Ave, Moscow, Russia, 119991; seliv21@mail.ru)

ETHNOPOLITICS OF RUSSIA: THE NECESSITY OF DIALECTICS OF CULTURAL TRADITIONS AND THE CREATION OF THE FUTURE

Abstract. The current Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2025 is based on an approach that combines two main principles: the formation of the unity of the Russian people and the preservation of historical tradition. To improve the Strategy in the future, it is necessary to supplement it with the principle of development, building the future to harmonize the past, present and future. The strategic approach should be based on five principles: a common civilizational destiny, the core value of Russian culture, the common efforts of representatives of all ethnic groups to build a single state, modern science and education, a powerful strategy of the country and its aspiration to the future. Only this can save Russia as a state and ensure the continued existence of all Russian ethnic groups in an increasingly competitive world.

Keywords: Russia, ethnic groups, ethnopoltics, strategy, future, strategic management

АХМАДЕЕВА Елена Владимировна – старший преподаватель кафедры общей психологии факультета психологии Башкирского государственного университета (450000, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. К. Маркса, 3/4; elena-ram@yandex.ru)

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СЕМЬИ КАК КОНСОЛИДИРУЮЩИЙ ФАКТОР В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, представляющие угрозу психологической безопасности межнациональной семьи. Проанализировано понятие «психологическая безопасность». Представлены результаты исследования, касающегося проявления психологической безопасности личности и удовлетворенности браком у супругов в межнациональном и мононациональном браках. Автор предполагает, что у супругов в межнациональном и мононациональном браках при разных уровнях психологической безопасности личности имеются различия в показателях удовлетворенности браком. Для нивелирования угроз психологической безопасности личности автор предлагает программу «Школа семейного искусства».

Ключевые слова: семья, психологическая безопасность, межнациональный брак, мононациональный брак, полиэтническая среда

В современных условиях трансформации и информатизации проблема межкультурного взаимодействия приобретает особое значение. По мнению российского психолога Г.У. Солдатовой, «процесс смешения культур – один из результатов экономической и культурной глобализации, тенденции которой остаются достаточно устойчивыми» [Солдатова, Тетерина 2011: 57].

Поликультурность и полиэтничность российского государства, взаимодействие населения различного этнического происхождения на одной территории